

ДАНИИЛ ТУЛЕНКОВ

ШТОРМ Z

У ВАС НЕТ
ДРУГИХ НАС

18+

Даниил Юрьевич Туленков
Штурм Z. У вас нет других нас
Серия «Современная
военная проза (Яуза)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70325179

Яуза-каталог;
ISBN 978-5-00155-683-1

Аннотация

Даниил Туленков – историк, общественный деятель, публицист и предприниматель. Боец штурмовой роты Z в зоне проведения СВО (август – декабрь 2023). Участник боёв за Работино и Новопокровку.

«У вас нет других нас» – документальная автобиографическая повесть, посвященная событиям лета-осени 2023 года в Запорожье, в разгар вражеского контрнаступления.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

I	7
II	10
III	16
IV	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Даниил Туленков

Шторм Z

У вас нет других нас

© Туленков Д. Ю., 2024

© Абеленцева А. Н., оформление, 2024

© ООО «Яуза-каталог», 2024

* * *

*Бойцам «Шторм Z»,
живым и мёртвым,
посвящается*

Три месяца я на СВО.

Формально и по сути я здесь по доброй воле. Однако меня бы не было здесь, если бы не чудовищный, несправедливый приговор Кировского районного суда Екатеринбурга, отправивший меня за решётку на долгих семь лет.

Я прошел все инстанции, оспаривая свой приговор, но всё это было тщетно... Махнув рукой, я подал заявку на участие в СВО в июле 2023 года, оставив за плечами четыре месяца в СИЗО и год в исправительной колонии общего режима. «Лучше один раз напиться крови, чем триста лет жрать падаль» (с).

Ни секунды я не пожалел о своём выборе. И теперь, когда я нахожусь под знамёнами легионов, я могу лишь сказать то, что изложено ниже.

«Шторм Z» будет выполнять задачи даже тогда, когда повернут назад все: мобики, контрактники, хвалёные «вагнера», тик-ток войска etc.

Если мне посчастливится выбраться из всего этого живым, я расскажу о том, что видел, и о том, в чём мне довелось участвовать. Возможно, это станет целью и смыслом моей оставшейся жизни. Про ЧВК «Вагнер» уже сняты фильмы. Они уже – легенда. Мы, «Шторм Z», – пасынки Минобороны, находимся где-то в тени, про нас что-то слышали, но никто ничего толком не знает. Я бы хотел это исправить. Очень хотел бы.

Я не знаю, чем закончится специальная военная операция. Достижимы ли и будут ли достигнуты её цели? Мне ли, бойцу штурмовой роты Z, об этом судить здесь и сейчас? В той, прежней, жизни, в моём былом положении, возможно.... Но не сегодня и не на окраинах пгт Работино:)

Но я верю, нет, я знаю... Именно мы, прогнанные волею судеб через горнило этой войны, выжившие и вернувшиеся домой, должны стать солью, основой, фундаментом *Senatus Populusque Romanus*.

Буду ли я в их числе – бог весть... Ведь здесь, как пел Тимур Муцураев, «смерть таится за каждым углом». Россия (а теперь и весь мир) уже никогда не будет такой, какой она была до 24 февраля. Её ландшафт, уже изменённый, будет изменён далее, до неузнаваемости.

Мы в игре. Все. И на фронте, и в тылу. И эту игру надо вести до конца.

I

Полтора года (чуть больше, если быть точным) прошло с того дня, как я переступил порог своей квартиры и шагнул в абсолютную неизвестность, начав самое удивительное путешествие в своей жизни.

Монотонная речь судьи, зачитывающей своё сочинение, оглашение финальной части, конвой с наручниками, полумрак камеры, ожидание автозака и – здравствуй, новый, неизвестный мне мир...

Год и почти четыре месяца провел я в нём и три месяца в зоне проведения СВО. Несравнимые временные отрезки, но какие разные у них цвет, вкус и наполнение. Какой разный у этих отрезков вес.

Про тюрьму у меня нет никакого желания ни вспоминать, ни что-то рассказывать. Это при том, что ничего страшного и невывозимого¹ я в этом месте не встретил. Мне совершенно не на что жаловаться по большому счёту. Я не столкнулся ни с одной из лубочных страшилок и пугалок, ассоциирующихся с тюрьмой у человека, бесконечно далёкого от соответствующего образа жизни.

Поэтому дело не в тяготах арестантской жизни, а в её пустоте, бессмысленности и бесцветности.

¹ Невывозимый – непреодолимый – жаргонное тюремное (здесь и далее примеч. автора)

Там нет цвета.

Там всё серое.

Нет цвета, нет вкуса, нет самого ощущения жизни.

Я не говорю за всех, конечно. Я излагаю лишь свои собственные ощущения. Тюрьма – это анабиоз, абсолютная заморозка всех жизненных процессов, буквальное убийство времени.

Многие люди, еще не попавшие в тюрьму, но предчувствующие её, строят планы, как они изучат в её стенах итальянский язык, напишут бестселлер, смогут осуществить еще какой-то глобальный проект, на который-де в обычной жизни не хватало времени...

Возможно, у кого-то получится, я не буду спорить.

Я сам, преодолевая болотную тягу, набросал кое-какие концептуальные заметки.

Но это очень сложно делать. Тюрьма убивает любое начинание такого рода, её притяжение, её трясины очень сложно преодолеть. Тюрьма всё стремится «оболотить» и выкрасить в один, серый, цвет. Поглотить, отупить, убить всё живое в человеке, атрофировать все мыслительные и чувственные процессы. Не злобные татуированные дядьки с эрегированными членами, набрасывающиеся на несчастных филателистов из советских фильмов-страшилок, не садисты-надзиратели, пытающие зэков в гестаповских застенках, захлебываясь сатанинским хохотом, а серость и болотная трясина тюремного бытия – самое страшное и убийственное, что

здесь есть.

Война – абсолютный, асимметричный контраст тюрьмы. Война наполнена всей гаммой цветов, существующих на земле, даже теми их оттенками, о существовании которых ты не подозревал в той, прежней жизни. Война – это фонтан эмоций, чувств и ощущений. Это обострение всех форм человеческого осязания. Это миллионы деталей и штрихов, от количества которых взрывается мозг человека, едва переступившего периметр лагеря, места, где всё измеряется штучно, не превосходя количества пальцев на руках. Это совершенно иная скорость времени и совершенно иная ценность каждого его отрезка. Контрастный душ, который не всякому дано вынести без ущерба для душевного здоровья.

Нет ничего, ни одного фактора, которые могли бы как-то уравнивать эти два мира, вывести какую-то формулу их схожести. Кроме того, что тебя нет дома.

II

Некоторое время назад (я сознательно воздержусь от указания точных дат и географических терминов) мне довелось оказаться в одном селе, на позициях соседней части.

Наша группа отходила через это село после задания, и на северной его оконечности я был отсечён огнём противника от своих товарищей. Ждать меня они не могли, поскольку сами находились под обстрелом и им нужно было перемещаться. Догнать их я не мог, поскольку надо было перебежать довольно широкую улицу, насквозь простреливаемую, и я отошёл в укрытие.

Дальше обстоятельства сложились так, что, задержавшись здесь на пару часов, по факту я провёл в этом селе почти трое суток. За него завязались бои, и в условиях, когда каждый ствол был на счету, сказать: «Давайте, ребята, вы тут уж сами, а мне надо идти» – я не мог.

Я оказал посильную помощь своим новым товарищам в обороне северной оконечности населённого пункта и вместе с ними был выведен на пункт эвакуации по приказу местного командования.

Вывод на пункт эвакуации представлял собой перебежки из одного разрушенного дома в другой под непрерывной работой вражеской артиллерии.

Тогда я впервые столкнулся с работой танка, и с тех пор

на вопрос «Что самое страшное на войне?» у меня имеется очень чёткий и конкретный ответ. Лично для меня – танк.

Так, спасаясь от огня танка, который, корректируемый дроном, методично разбирал картонные домики, в которых мы прятались, я и ещё несколько человек укрылись в бетонных трубах под дорогой, что-то типа ливнёвки. По сравнению с домиками это было достаточно надёжное укрытие, и мы здесь залегли до наступления темноты.

В сумерках поодиночке, по двое мы продолжили передвижение. Я пошёл замыкающим и в темноте потерял ведущего. Дорогу мне объяснили, но одно дело – объяснить что-то на пальцах, другое дело – применить полученную информацию.

Я повернул куда-то не туда и потерял очень много времени, прежде чем понял, что сбился с маршрута, и вернулся обратно.

Покинув трубы, я будто пересёк какую-то границу между мирами. До меня не сразу дошло понимание этой разницы, то, что я очутился в части села, куда противник не стрелял. Там, откуда я пришёл, противно трещали кассетки, били фугасы, зудели дроны, здесь же была относительная тишина.

Я шёл один по пустой улице, среди брошенных, но совершенно целых домов. На стыке двух этих частей села горел недавно построенный дом, его зарево было единственным источником света вокруг. Ни голосов, ни каких-либо других

звуков мира или войны не было. Абсолютно мёртвая, пустая, тёмная улица. Оставленная людьми, но ещё хранившая их тепло. Здесь прямо остро чувствовалось, что люди ушли отсюда совсем недавно. Не было запустения в этих домах. Они ещё были живы.

Я дошёл до очередного поворота, про который мне говорили, и пошёл дальше, всё больше и больше удаляясь от разрыва кассеток, снарядов, треска горящего дома. Эта часть села была вообще не тронута.

По мере того как я углублялся в неё, я находил какие-то признаки жизни, с удивлением понимая, что здесь кто-то есть, что здесь ещё живут люди, не наши военные, а мирные, местные жители, кто по каким-то причинам не смог или не захотел уехать.

Я прошёл мимо большого дома с занавешенными окнами и услышал, как из-под него, видимо из подвала, доносятся звуки дизель-генератора.

Я прошёл мимо мангала с гаснущими углями.

Я слышал голоса где-то в глубине одного из дворов.

Я чувствовал и понимал, что за мной сейчас наблюдают из этих тёмных, закутанных, занавешенных домов. Бог весть с какими эмоциями и чувствами. Вскоре я понял, что снова свернул не туда, и принял решение прекращать ночные блуждания.

Я понял, что пункт эвакуации я уже не найду и поиски надо продолжать утром.

По дороге я заметил один хорошо сохранившийся дом, явно покинутый, и решил остановиться на ночь в нём. В него я и завернул на обратном пути. Обследовав дом и убедившись, что я в нём точно один, я расположился на ночлег, улегшись на голую кровать с сеткой. С облегчением стянул с себя бронезилет, снял каску, которые будто уже срослись с моим телом, положил под голову рюкзак, снял кроссовки, вытянул ноги...

...и понял, что впервые с того дня, как я переступил порог своей квартиры, отправляясь на оглашение приговора, я нахожусь наедине с самим собой. Впервые за это время я обрёл абсолютное, полное одиночество, которое невозможно в СИЗО, невозможно в колонии и практически невозможно на войне. Везде и всё время с тобой кто-то есть. В камере СИЗО, на бараке в лагере, на производстве, в учебке, в расположении, в окопах, на позиции, на задании – я всегда был с кем-то.

И вот впервые, резко и неожиданно, я оказался в чужом доме, в неизвестном мне месте, в какой-то ужасной, совершенно чуждой мне по природе, по духу, по укладу стране, совершенно один, наедине со своими мыслями и эмоциями, которые сейчас ничего не сдерживает.

Я буквально захлебнулся в их потоке.

Сюрреализм происходящего и пережитого не влез в мою скромную черепную коробку, мозг поставил тормоз,

закрыл шлюзы.

Я просто лежал несколько часов, глядя в потолок. Изредка шлюзы открывались и дозированная порция рефлексий выплёскивалась наружу.

Странно, но, получив возможность упорядочиться, моё сознание приняло за отправную точку реальности именно то, что происходило со мной здесь и сейчас. Этот дом, кровать, занавески на разбитом окне, холодную сталь автомата, в обнимку с которым я лежал. Напротив, тяжело было принять то, что иная жизнь, находившаяся где-то там, за тысячи километров, – это тоже реальность.

Что я, сидящий в своем офисе с чашкой кофе, – это не another me, а именно я.

Я за рулём машины где-то на трассе М5 – это я.

В лодке с удочкой на раскатах в дельте Волги – это тоже я.

Что мои родные и близкие – это не цифровая голограмма в телефоне, которого сейчас даже нет со мной (на передок нельзя брать телефон, он остаётся в расположении, с личными вещами), а реально существующие люди, которые есть.

Вот это было трудно принять.

Все мои 44 года было трудно принять как реальность, а не как сон, фантазию, какое-то кино или литературный сюжет.

А вот текущее положение вещей сознание трактовало как должное и единственно могущее быть.

Наверное, так работают защитные механизмы мозга и психики. Наверное, это первостепенный ключ выживания в этих условиях.

Мне кажется, единственное, что зависит от человека здесь, – это абсолютно трезвое и адекватное восприятие реальности.

Пока оно есть, ты способен принимать правильные решения и соответственно реагировать на внешние условия.

Малейшее отклонение от принятия происходящего, допуск рефлексий и самой мысли о сюрреализме того, что ты здесь переживаешь: «Да это мне снится, это не со мной, это не может быть правдой» – и всё. Ты запускаешь цепь необратимых событий, тянешься за бабочкой через бруствер окопа, и тебя снимает условный снайпер.

Это потом, если и когда всё закончится, ты будешь вспоминать это всё через призму рефлексий и балансировки на краю бездны.

Пока же надо смотреть в багровые зрачки реальности не моргая.

P. S. Утром я обнаружил пункт эвакуации в тридцати метрах от этого дома. Я прошёл мимо него ночью, не распознав. Видимо, для чего-то мне надо было побыть в этом доме наедине с собой.

Возможно, чтобы написать этот текст, а может быть, для чего-то большего, что ещё ждёт своего часа.

III

В окрестностях пгт Работино, о существовании которого я даже не догадывался в прежней жизни, но которое теперь уже навсегда станет для меня знаковой точкой на карте, есть объект, несущий поэтическое название «очко Зеленского».

Солдатская терминология – она всегда не в бровь, а в глаз. «Очко» – потому что здесь действительно жопа.

А имя президента враждебной державы добавлено для того, чтобы показать масштаб этой жопы, её доминирующее положение над бесчисленным количеством других жоп, имя которым здесь легион.

«Очко Зеленского» – это наш «домик паромщика».

Даже по ландшафту оно напоминает чёрно-белые фотографии Вердена или Соммы. Не хватает только обрывков ключей проволоки (на этой войне невооружённый девайс).

Место, бесконечно переходящее из рук в руки, место, уносящее десятки жизней с нашей и с той стороны.

«Очко» обладает какой-то зловещей магией, заставляющей наше и их командование бесконечно снаряжать сюда штурмовые группы, способные взять его, но не способные в этом «очке» удержаться.

«Очко» прострелено нашей и их артиллерией до санти-

метра. Туда тяжело добраться, но, добравшись туда, храбрецы с белыми или синими повязками неминуемо погибнут под огнём или же будут вынуждены отступить.

В «очко» сливаются жизни людей, а горький цинизм солдатской терминологии превращает их смерть в апофеоз бессмысленности. «Погиб в «очке Зеленского» – это совершенно не то, что просится на страницы героического эпоса, не так ли?

Между тем вся моя эпопея теснейшим образом увязана с этим чёртовым «очком», равно как и со стёртым с лица земли Работином, расположение улиц которого, школу (местный «дом Павлова»), кладбище и прочие достопримечательности я могу воспроизвести на листке бумаги с безупречной топографической точностью.

С «очком» связаны первые потери боевых товарищей, и тогда, когда туда уходит группа, а потом возвращаются люди, по два, по одному, с пустыми, выжженными глазами: «Тот 200, тот 200, что с остальными я не знаю...», и тогда, когда на подступах к этому проклятому «очку» из двойки, ушедшей вперёд, после автоматной трескотни возвращается, взволнованный и запыхавшийся один и роняет просто, без лишних слов: ««У нас минус один»».

Так просто... «Минус один». А мы час назад с этим «ми-

нус один», переживая обстрел кассетками в каком-то лесном блиндаже по дороге сюда, кипятили воду в пластиковой бутылке.

Да-да, «минус один» научил меня за час до своей гибели этому нехитрому фокусу – на огне можно вскипятить воду в пластиковой бутылке, своевременно её прокручивая над язычком пламени, и ничего ей не будет. Элементарная физика, в принципе, но вот я не знал.

И вот теперь он лежит где-то там, в паре десятков метров от нас, в «штанах»², то есть в месте, где окоп раздваивается. И будет лежать там Бог весть сколько. Хохлам его тело не нужно, а нам его не достать, потому что оно в паре шагов от них, засевших там, в этих «штанах». И мы эти «штаны» не пройдем, хотя должны были сделать это.

Но нас туда пошло семеро, и двое позорно запятисотились, сбежали тихой сапой в лесополосу, исчезли, пропали, растворились в ней. И теперь «минус один» – это очень критично. Это соломинка, перебившая хребет верблюду. Впятером мы могли бы попробовать, а вчетвером уже нет. Вчетвером мы можем только удерживать этот пяточок, 90-градусный поворот в окопе так, чтобы воспрявший духом противник, только что разделавший под орех, с трёх стволов, «кацапа», сам не штурманул его, не прорвался на этот участок.

² «Штаны» – разветвление в окопе

Да, за нами, в двадцати метрах, полнокровная рота мобиков.

Но мобики сидят, прижавшись к стенке окопа, обняв автомат, и на предложение нашего командира оказать нам содействие отводят глаза: «Это не наша задача. Мы должны удерживать позиции и всё. Мы здесь уже неделю. Мы устали. Нам сказали, придёт «шторм зет» и выбьет пидоров».

Ну, конечно, «Шторм Z» придёт и всё сделает.

Они говорят о нас как о каких-то супервоинах, способных творить чудеса.

А какие мы супервоины? Обычные уголовники, набранные с разных российских тюрем, с двухнедельной подготовкой.

Но считается так. Считается, что мы люди отчаянной жизни, отбитые на всю голову, одной духовитостью способны проламывать любое сопротивление. Эх, если бы...

Командир наш машет рукой. Упрашивать бесполезно. Не пойдут. Не пойдут, хотя там, в этих «штанах», сидит человек десять, не больше. Можно их загасить. Там тоже не супервоины. Автоматы и один пулемёт. У нас «мухи», «шмель», РПГ, можно загасить, но не вчетвером.

Вчетвером мы садимся в оборону, и начинается долгий взаимный прострел серой зоны.

Мы с хохлами в одном окопе.

Пару дней назад они дерзко штурманули наш опорник, заняли его и, теперь вклинившись в нашу линию обороны, отсекли примерно километр наших окопов, уходящих туда, в сторону чёртова «очка Зеленского».

Мы сидим на углу девяностоградусного поворота, потом десять метров серой зоны, снова поворот, и там уже они.

Теперь и наша, и их задача – простреливать серую зону так, чтобы никто не решился в неё сунуться.

Это надо делать постоянно.

Потому что если не делать этого, то они могут попробовать сюда сунуться, и если допустить их до поворота, хана не только нам, но и сидящим в обнимку с автоматами мобикам. Их просто перестреляют в траншее так, что они даже ничего не смогут сделать. Да они и не будут пытаться, они гуртом, топча друг друга, побегут, теряя оружие и снаряжение. Ведь именно так было два дня назад.

Хохлы тоже не хотят повторения нашего захода. Да, мы потеряли одного человека при разведке боем, но второй-то ушёл и унёс с собой крайне важную информацию: где они сидят, а где их нет. И оттуда, где их нет, можно достать их там, где они есть. Они это всё понимают, они знают, что, если русские сейчас вернуться со знанием их расположения, им будет тяжело, а скорее всего, им будет конец, потому что они сидят в нашем окопе и отходить им по нему некуда, только наружу, в чистое поле, и ломиться до своей лесополки³.

³ Лесополка – здесь и далее лесополоса

Но они дотуда не добегут.

Если мы выкурим их наружу и займём позицию, подтянем пулемёт, то это всё. Никто никуда не добежит.

Мы и должны были так сделать.

Но всемером. При самом трагичном для нас раскладе – впятером. Но вчетвером нам уже не справиться.

Вчетвером, в принципе, мы уже можем запрашивать разрешение на отход. Но, во-первых, нам этого никто не даст, а во-вторых, нельзя этого делать.

Уйти сейчас, расшевелив это осиное гнездо и вытянув их сюда, на свой угол, – это значит сдать ещё километр наших окопов. Мобики не удержат.

Поэтому мы остаёмся и начинаем простреливать серую зону.

Про штурм уже речи нет, как я сказал. Просто не дать им сюда зайти, большего мы не сделаем.

Наша проблема в том, что, обозначив своё присутствие здесь, мы, соответственно, и вызываем на себя их огонь.

Нас пытаются выковырять с этого угла миномётом, АГ-Сом, именно здесь я впервые знакомлюсь с FPV-дронами и переживаю их атаки.

Идут долгие, томительные часы.

Мы сменяем друг друга на углу, и пока один стреляет, второй заполняет магазины. Бэка расходуется как на полигоне.

Я даже в этих условиях не могу преодолеть свою природную скупость. Я экономлю. Я стреляю по большей части

одиночными и изредка щёлкаю предохранитель на короткие очереди. Три очереди по три патрона. Несколько раз одиночными. Мои товарищи стреляют как в Берлине 45-го, только гильзы звенят.

Периодически старший группы простреливает сектор из пулемёта, сразу по пол-ленты. Иногда кидаем в их сторону гранаты.

К нам, осмелев, подтягивается группа поддержки из числа мобиков. Тусуются где-то вдаль, на безопасном расстоянии, но постепенно осваиваются и откуда-то оттуда по-сомалийски, из-за бруствера окопа, постреливают куда-то в сторону Киева. Ну ладно, Бог с ним. Без вреда, и то вперёд.

Жара. Очень хочется пить. С водой у нас беда. Зато есть повод подарить мобикам ощущение значимости и причастности к великому сражению.

За водой для нас они убегают охотно и даже, как мне показалось, с радостью. Носить нам воду, патроны и даже отдать свои сухпайки они готовы.

Попив, я ничтоже сумняшеся беру и сухпай. Как бы там ни было, но есть надо.

В самый разгар трапезы в бруствер над моей головой прилетает граната с АГС, меня осыпает несколькими килограммами земли, в земле и чудеснейшие тефтели из сухпая.

Досадно...

Меж тем, как пишут мастера литературного жанра, смеркалось.

Командование, естественно, с самого утра знает о состоянии нашей группы, о пятисотых и о двухсотом. То, что задача не выполнена и не может быть выполнена. То, что задачу минимум мы выполнили, не допустив проникновения противника на свой участок в светлое время суток (а в тёмное время они и не ползут). Мы наконец-то получаем разрешение на отход.

Отход – это тоже непростая задача.

Некоторые блиндажи, через которые мы шли на точку днём, к вечеру уже разрушены артогнём противника. Местами мы продираемся через их руины, где-то прямо по трупам своих же солдат, местами приходится вылезать на поверхность и обегать их, рискуя словить пулю от снайпера.

Мобики провожают нас негодованием и упреками: «Вы что, бросаете нас? Уходите?»

Я испытываю испанский стыд, когда такое мне, щуплому очкарику, говорит дядя весом сто килограммов с рожей втроём не обсеришь, и ещё его гневный голос срывается на фальцет.

В вотсапе есть хороший смайлик: тётенька рукой лицо закрывает. Вот примерно так я бы охарактеризовал свои ощущения.

Выходим. Уже темно. Надо перебежать горелое поле и укрыться в спасительной лесополке. Прямо надо бежать. Если дрон-камикадзе застукает на открытом пространстве, кто-то из нас тут останется по запчастям.

Слава Богу, перебежали, укрылись среди деревьев, дальше можно идти быстрым шагом, с интервалом пять-шесть метров.

Уходя в лес, я оглядываюсь на ленту окопов за спиной. Где-то там, вдали, затаилось зловещее «очко Зеленского». Где-то там, на подступах к нему, сжимая в окоченевшей руке автомат, лежит мой товарищ, неплохой в принципе, хотя и непутёвый по жизни, шептунной и какой-то «всё у него через жопу» парень.

Мы спустились в окопы впятером, а уходим вчетвером.

В моей жизни это в первый раз, но, к сожалению, не последний.

«Очко Зеленского» ещё соберёт свою кровавую жатву.

Мне ещё доведётся столкнуться с ним, и предыдущая моя история, с ночью в заброшенном домике, она тоже в основе своей имеет поход на «очко Зеленского», только уже не пешком, через окопы, а на броне БТРа...

Но это, как говорит Леонид Каневский, «уже совсем...» Ну, вы поняли.

Но знакомство моё с «очком Зеленского» состоялось

ИМЕННО ТАК.

IV

...когда старший группы озвучил задачу, у меня стали ватными ноги, в животе возник противный липкий холод, а дыхание перехватило так, что я даже не мог сглотнуть.

Страх – абсолютно нормальная реакция человека на любое рискованное мероприятие, в котором ему предстоит принимать участие.

Но есть страх в пределах нормы, в рамках задачи, которую ты сам определяешь как посильную, а есть страх, возникающий перед препятствием, преодоление которого ты считаешь за пределами своих сил, за гранью возможного.

Задача заключалась в том, чтобы силами двух групп на броне БТР прорваться прямо к окопам противника, десантироваться с брони прямо к ним и произвести зачистку траншей на определённом участке. По мере выполнения задачи должна была подойти третья группа, а после закрепления на участке – подразделение регулярной армии.

Наша группа должна была идти первой, за нами, с большим отрывом, вторая. Третья стояла на фоксе и ждала нашего сигнала, что работа на первом этапе сделана.

Разумеется, речь шла о нашем горячо любимом «очке».

Сама по себе идея нестись куда-то по голому полю верхом на броне меня уже огорчила. Тут уже само по себе вырисовывалось нетривиальное задание. БТР не может пройти столь

значительный участок незамеченным. Значит, по нему будут стрелять задолго до выхода на позицию. И дай Бог, если будут стрелять из стволки, а могут и заптурить. Да и стволка несёт мало хорошего: попасть в быстро едущий БТР не так просто, но скосить пехоту на его броне осколками вполне реально. А ехать внутри нельзя: план операции не оставляет времени на то, чтобы закрыть боковые люки, а с откинутым трапом БТР при отходе может зацепиться за деревья в лесополосе, на скорости это очень аварийно. Так, во всяком случае, объяснил нам экипаж бронемашины. Поэтому только сверху, как в Чечне.

Ладно. Предположим, мы проскочили, высадились, вломились в окоп и заняли какую-то его часть.

А если что-то происходит со вторым БТР? Если он не доезжает и вторая группа не приходит нам в помощь? Тогда срок нашей жизни исчисляется сроком расхода боекомплекта. Вломиться в окоп к хохлам мы, скорее всего, вломимся. Но выйти оттуда, если что-то пойдёт не так, мы уже не выйдем. Плана Б в схеме нет.

Дальше. Вломились мы в окоп, заняли свой сектор. Подошла вторая группа. Но, предположим, происходит что-то с третьей. А вероятность, что третий БТР подобьют по дороге, после того кипеша, какой мы там наведём у хохлов, стремится к 99 %. Мы, может, и проскочим. Каким-то неслыханным чудом проскочит вторая машина. Но на что они рассчитыва-

ют, посылая третью? Когда её уже будут ждать вся их артиллерия, танки, которые тут есть, птурщики и т. д. Это так и осталось для меня загадкой.

Но, предположим, прорвалась и третья. И вот вся наша зондеркоманда в окопах, все сектора зачищены, противник уничтожен или выгнан из траншей, и по нам начинает работать украинская артиллерия. А она начнёт работать, безусловно. И в этих условиях командир регулярного подразделения принимает решение своих людей на участок не заводить. А он именно такое решение и примет.

И что тогда? На сколько нас тут хватит? Час? Три часа? Двенадцать? Сутки.

Отойти, повторюсь, мы не сможем. Нас не случайно десантируют с техники, такой способ доставки обусловлен тем, что пешая группа до окопов не доберётся. Там не подойти. А раз не подойти, то, значит, и не уйти.

Поэтому любая хрень в схеме (а мой жизненный опыт говорит, что если в схеме есть херня, то херня обязательно произойдет) оставляет нам только один исход – героически погибнуть в окопах противника.

Хоть что-то, хоть где-то идёт не так, и нам конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.